гим структурным подразделением не устранены допущенные нарушения, послужившие основанием для вынесения предупреждения, либо если в течение 12 мес. со дня вынесения предупреждения выявлены новые факты, свидетельствующие о наличии признаков экстремизма в их деятельности, соответствующее общественное объединение подлежит ликвидации.

По нашему мнению, ужесточение санкций по Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности» в части ответственности (приостановление деятельности и ликвидация общественного объединения) оправдано, поскольку они устанавливают ответственность за более серьезные нарушения, создающие угрозу государству, гражданам, общественной безопасности.

Правовые процедуры возложения ответственности на общественные объединения хотя и получили достаточное правовое урегулирование, тем не менее, нуждаются в корректировке, поскольку правоприменительная практика выявляет очевидные пробелы в правовом механизме применения соответствующих санкций.

[1] См.: *Михеева Т.Н.* Конституция Республики Марий Эл — база для развития общественных институтов // Марийский юридический вестник. 2011. № 8. С. 36.

[2] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21, ст. 1930.

[3] См.: *Мельник Т.Е.* Приостановление и запрет деятельности общественных объединений: направления совершенствования // Журнал российского права. 2003. № 4. С. 102.

[4] См.: *Юдин Ю.* Политические партии и государство в современном мире. М., 1998. С. 95; *Мельник Т.Е.* Приостановление и запрет деятельности общественных объединений: направления совершенствования // Журнал российского права. 2003. № 4. С. 101; *Мозговой И.* Приостановление и аннулирование лицензий // Российская юстиция. 1999. № 6. С. 26.

[5] См.: *Айзин С.М., Анисимова Н.Н., Бельская Е.В., Братко А.Г. и др.* Правовое положение коммерческой организации: учебное и научно-практическое пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2001. С. 338.

[6] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3031.

[7] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 39, ст. 4465.

Д.А. Суровень*

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА В ДРЕВНЕЯПОНСКОМ ПРАВЕ: *СЭЙКО* В I–III ВЕКАХ

В древней Японии всё свободное население по принадлежности к гражданским общинам (яп. *куни*; кит. *го*) (по обладанию статусом гражданства) делилось на *граждан* (т.е. общинников) и *лиц без гражданства* (т.е. чужаков-необщинников). В связи с тем, что для гражданской общины, возникшей в раннеклассовый период, характерно отсутствие еще особого аппарата принуждения, функции которого по отношению к эксплуатируемому производителю выполняла община в целом[1], в данный период только община могла гарантировать человеку защиту его интересов. Это объ-

* *Суровень Дмитрий Александрович* — доцент кафедры истории государства и права (Уральская государственная юридическая академия), кандидат исторических наук.

ясняется тем, что существование самой общины лишало всех, кто не входил в нее, свободного доступа к основному средству производства — земле и ставило их в бесправное положение[2]. Поэтому в рабовладельческом праве *статус гражданства* был связан с правом собственности на землю, вследствие чего не все свободные люди были одинаково правоспособны[3].

В древней Японии, помимо рабов и общинников-граждан, существовала ещё одна категория населения, которая в период Яматай (I–III вв.) называлась *сэйкō*, а в период Ямато (IV – середина VII в.) — *бэмин*.

В отношении категории *сэйкō*, исходя из содержания термина, употребляемого в китайских источниках, описывавших Японию I–III вв. (кит. *ш¯эн-кŏу* — досл. "живые рты"), ученые указывают на их происхождение из пленных[4]. *Ш¯эн-кŏу* упоминаются один раз в «Хоу-хань-шу», когда японский правитель-предводитель (кит. *во-го-ван-шуай*)[5] в 107 г. прислал к китайскому двору 160 пленников — *ш¯эн-кŏу*[6] [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII, 107 г.]. «*Ван-шуай* (досл. "государь-предводитель") японского государства *Шэн-дэн* прислал подношение *ш¯эн-кŏу* — 160 человек»[7] [Хоу-хань-шу, св.115, Бе-цзюань, разд. 75-й, Дунъи-цзюань, Во]. Аналогичные подношения делала Бимиху (в 238 [239] г. — четырех мужчин и шесть женщин *ш¯эн-кŏу*; в 243 г. — подарены *ш¯эн-кŏу*) и ее преемница Июй (в 247 г. — 30 мужчин и женщин—*ш¯эн-кŏу*)[8] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во; 238, 243, 247 гг.][9].

Примечательно, что китайские авторы терминологически различают рабов (кит. *нýбù*, яп. *нухи*) и *ш¯эн-кŏу* и никогда их не смешивают: если *нýбù* и *бù* упоминаются в связи с прислуживанием, то *шэн-кŏу* — при дарениях[10]. *Ш¯эн-кŏу* в «Вэй-чжи» упоминается еще один раз в связи с т. н. "держателем судьбы" (кит. *чи́-шуāй*, яп. *дзи-суй*)[11]: «[Что касается] их разъездов и переправ через море, [при] посещениях Срединного государства всегда велят одному человеку (кит. *жэнь*) не чесать головы, не удалять гнид и вшей, [чтобы] одежда [была] грязная, не есть мяса, не приближаться [к] женщинам. [Такого] человека, похожего на соблюдающего траурный обряд (кит. *сан-жэнь*), называют тем, кто выполняет соблюдение обетов воздержания (кит. *чи́-шуāй*). Если путешествующим [сопутствовала] удача [и] счастье, [то] совместно заботятся (кит. *гу̀*)[12] [о] его *шэн-кŏу* [и] имуществе (ценностях) (кит. *цайу́*)[13]. Если будут болезни [или] подвергнутся сильному (внезапному) вреду, [то] обычно желают убить [его] говоря, [что] этот "*чи́-шуāй*" не воздерживался»[14] [Вэй-чжи-вожэнь-чжуань, цз. 30, С. 25б (3а); 10-26а (3б); 1-3; см.: Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во[15]]. Хасимото Масукити полагал, что это была шаманская магия служения злому духу[16], но более объективно мнение Нисимура Синдзи — это был обычай соблюдения *табу*, сходный с обычаями южных народов (Индокитая и Индонезии)[17].

В отношении того, кто такой *чи́-шуāй* (яп. *дзи-суй*) высказывались различные точки зрения. В 1930 г. Итимура Сандзиро, опираясь на текст «Хоу-хань-шу», где описывается точно такая же ситуация с "держателем

судьбы", но только не упомянуты *шэн-кŏу* [Хоу-хань-шу, св.85, Дунъибе-цзюань, 75, Во[18]; Хоу-хань-шу, гл.115,VIII][19], пришел к выводу, что автор «Хоу-хань-шу» считал, что *чи́-шуāй* должен быть также по положению из *шэн-кŏу*[20]. Однако с этим не согласились Хасимото Масукити и Инаба Ивакити[21], Согабэ Сидзуо (в 1936 г.), опираясь на чтение термина "*чи́-шуāй*", истолковал его как «священную особу, которая несла [на себе] грехи [других]»[22]. К этому близка точка зрения, высказанная еще в 1922 г. Накаяма Тарō, который считал, что идея "*чи́-шуāй*" происходит от *миагамоно*, при которой люди "очищали" себя перенесением своих грехов на других[23]. Нисимура Синдзи в связи с этим указал, что положение *чи́-шуāй* для человека действовало только на период плавания[24], чтобы отвести от беды путешественников.

Вопрос о *ш¯эн-кŏу* (яп. *сэйкō*) вызвал большие споры[25], что было связано с расплывчатостью самого понятия — «живые рты». Потому исследователи в ходе дискуссии высказывали различные точки зрения на то, что же скрывалось за этим неопределенным термином.

В 1928 г. археолог Накаяма Хэйдзиро предположил, что *ш¯эн-кŏу* были японскими специалистами—мастерами (*technicians*), которые посылались в Китай для того, чтобы овладеть техническими приемами производства (*industrial techniques*). Именно мастера — *ш¯эн-кŏу*, по его мнению, делали бронзовое оружие на Кюсю. В отношении с *чи́-шуāй*, Накаяма Х. предложил первое предложение переводить: «Во время их [т.е. японцев. — *С.Д.*] поездок туда и обратно через море в Китай и из [Китая. — *С.Д.*]...» назначали "держателя судьбы", который по возвращении назад в Японию получал дары от участников поездки. Поэтому Накаяма Хэйдзиро перевел предложение о *ш¯эн-кŏу* как «все они дают [кит. *гу̀*. — *С.Д.*] ему ("держателю удачи") рабов [кит. *ш¯эн-кŏу*. — *С.Д.*] и другие ценности», где слово *ш¯эн-кŏу* было переведено как "рабы" наряду с другими ценными вещами[26].

Хасимото Масукити в 1929 г. не согласился с таким переводом, указав, что речь идет о поездке только в Китай (в одном направлении), поэтому *ш¯эн-кŏу* и «ценности» не могут быть наградой для *чи́-шуāй*. Предложенный им перевод выглядел следующим образом: «Все хорошо заботятся о *сэйкō* [кит. *ш¯эн-кŏу*. — *С.Д.*] и других ценностях». Хасимото М., ссылаясь на «Хоу-хань-шу», отмечал, что народ *ва* (кит. *во*) был искусен в рыбной ловле, поэтому правители Ва (Японии) посылали рыбаков в Китай как дань. С точки зрения японцев, эти рыбаки не были пленниками (кит. *ш¯эн-кŏу*, яп. *сэйкō*), но для китайцев — они "пленные", поэтому китайский двор (в своих хрониках), называет их "*ш¯эн-кŏу*" (яп. *сэйкō* — пленники)[27].

Против этого выступил Хатано Сёгоро в 1929 г., который считал, что *ш¯эн-кŏу* были пленниками, захваченными японцами, т. е. плененными врагами (например, из жителей Южного Кюсю)[28]. Сходную точку зрения высказал Нумата Райсўкэ в 1929 г., указав, что термин *шэн-кŏу* не может обозначать животных и переводится как "домашний скот, скотина", т. к. в китайских хрониках наряду с животными перечисляются и *шэн-кŏу* как

отдельная категория даров. Поэтому *шэн-кŏу* были пленниками из *хая-то* или *айнов*. Свою точку зрения Нумата Райсўкэ подкреплял ссылками на «Нихон-сёки», где упоминались пленники (кит. *лу*, *фу*, *ну*), присланные из Кореи[29] [Нихон-сёки, св. 19-й, Киммэй, 11-й год пр., 4-й месяц, день *каноэ-тацу*; день *киното-но хицудзи*; Nihongi, XIX, 32; Нихон-сёки, св. 26-й, Саймэй, 6-й год пр., 10-й месяц; Nihongi, XXVI, 21][30]. Подобные взгляды высказывал и Нисимура Синдзи в 1929 г.[31]

В 1930 г. Итимура Сандзиро отверг предложение, что *ш¯эн-кŏу* были пленниками. Он проследил появление и употребление данного термина и обнаружил, что впервые это слово было использовано в «Хань-шу», а последний раз — в «Юань-ши» («Истории [династии] Юань, 1271–1368 гг.), и не обнаруживается в «Мин-ши» («Истории [династий] Мин, 1368–1644 гг.)[32]. Ямао Юкихиса обратил внимание, что термин *ш¯эн-кŏу* (кор. *сэнку*) употреблялся китайцами и в связи с Кореей: в «Лян-шу», в *цзюане* о Пэкче сообщается о присылке *шэн-кŏу* в качестве дани, в годы *Тай-юань* (376–396 гг.) от вана Сюй[33] (кор. Су, т. е. Кын-гусу-*ван*, 375–383 гг.), а также от более поздних правителей: Юй Тяня (кор. Ё Чон) и Юй Пи (кор. Ё Пи)[34] (т. е. Чончжи-*ван*, 405–419 гг., и Пи-ю-*ван*, 427–454 гг.)[35].

Кроме того, термин *ш¯эн-кŏу* (кор. *сэнку*) применялся и самими корейцами: на стеле Квангэтхо-вана сообщается, что в год *пёнь-син* (396 г. н. э.) *ван* Пэкче «...принес в дар (Великому *ван*у, т. е. правителю Когурё Квангэтхо-*ван*у. — *С.Д.*) *сэнку*, мужчин и женщин тысячу человек...»[36] [Стела Квангэтхо-вана, B, IV]. Р.Ш. Джарылгасинова истолковывает термин стелы *сэнку* (досл. «живые рты») как термин, служивший для обозначения рабов[37], *сэнку* становились пленные[38].

Итимура С. выяснил, что значение слова *ш¯эн-кŏу* с течением времени менялось: 1) сначала оно обозначало «нецивилизованное человеческое существо»[39]; 2) затем оно использовалось в значении «слуга», после того как человек был захвачен в плен или послан как дань[40]. Японский ученый определил, что в период «Троецарствия» (220–280 гг.) оба вышеуказанных значения («дикарь» и «слуга»), по-видимому, применялись к слову *ш¯эн-кŏу* (яп. *сэйкō*)[41]. В период Тан (618–907 гг.) значение «слуга» усилилось; 3) в период Юань (1271–1368 гг.) «слуги» жестоко эксплуатировались как животные, поэтому появилось третье значение: «скотина, домашний скот»[42] (т. е. животные).

На основании данных результатов Итимура Сандзиро пришел к выводу, что термин *ш¯эн-кŏу* употребляется в «Вэй-чжи» в значении «нецивилизованные люди, дикари» (для китайцев, по его мнению, это, возможно, были японцы), которые могли даваться как награда “держателю судьбы”[43].

Хасимото Масукити не согласился с Итимура Сандзиро, считая, что проблема заключается в самом переводе термина *ш¯эн-кŏу*, который он истолковал как «живые люди; те, кто живые»[44]. Если взять значение «нецивилизованный человек, дикарь», то текст о «держателе судьбы» (кит.

чи́-шуāй) следует перевести как: «Все дают дары (награды) для *сэйкō*». Если взять значение «слуга», то перевод получится: «Все заботятся о своих *сэйкō* и других ценностях»[45].

По мнению Хасимото Масукити, *ш¯эн-кŏу* в «Вэй-чжи» означает не "дикари", а "те, кто живые". Ссылаясь на «Хоу-хань-шу», японский исследователь отмечал, что в этой хронике те, кто был захвачен в плен, указывались как *шэн-кŏу*, а те, кто сдался в плен — как *сян-шэ*[46]. По его мнению, термином *шэн-кŏу* обозначались также и японцы, которые были слугами, т. к. словосочетание "живой рот" могло означать любое живое человеческое существо[47].

Что касается отрывка о «хранителе судьбы», то, с точки зрения Хасимото М., посланные в Китай люди заботились о своих ценностях, среди которых, возможно, были и живые человеческие существа, которые (и вещи, и люди) могли быть даны «хранителю судьбы» в качестве награды. В этом случае иероглиф *гу̀* («заботиться о»)[48], скорее всего, следует перевести как «награждать»: «Все награждают "хранителя судьбы" своими ценностями»[49].

Последним в дискуссии о *ш¯эн-кŏу* 1928—1930 гг. высказался Инаба Ивакити в 1930 г. Он отказался принять точку зрения, согласно которой все японцы в целом могли обозначаться термином *шэн-кŏу* («дикари»?). Он аргументировал это тем, что в то время Япония была сильной страной (о чем говорило дарование японцам китайским двором золотой печати в 57 г., т. к. было правилом не давать золотые печати слабой стране). По его мнению, *шэн-кŏу* и «другие ценности» являлись предметами потребления и товарами, посылаемыми в Китай. По этой причине автор «Хоу-хань-шу» не упоминает *шэн-кŏу* в отрывке о «держателе судьбы», т. к. они входили в состав товаров. В связи с этим Инаба Ивакити предложил понимать *гу̀* («заботиться о...») как «устанавливать стоимость (цену)», отсюда следующий перевод: «Все устанавливают стоимость своих товаров, включая *сэйкō* и другие ценности»[50]. Таким образом, он рассматривал *шэн-кŏу* как объекты права (т.е. «вещи»), кем в древности были рабы. «Хранителя судьбы» Инаба Ивакити к *шэн-кŏу* не относил[51].

Таким образом, термин *ш¯эн-кŏу* получил следующие истолкования: 1) «дикари»; 2) «пленники»; 3) «слуги»; 4) «рабы» (кроме того, позднее значение: 5) «домашний скот, скотина»). Современные исследователи толкуют этот термин как «оставленные в живых»[52], «раб», «рабы»[53] (яп. *дорэй*)[54].

Российские ученые предпочитают не смешивать *ш¯эн-кŏу* с обычными рабами, указывая на их отличный от *ну́бù* социальный статус. З.Я. Ханин указывает, что *ш¯эн-кŏу* находились на особом положении и предлагает считать их рабами—ремесленниками высокой квалификации[55]. Н.Я. Бичурин считал, что это были китайцы, захваченные разбойниками на восточном побережье Китая и проданные в Японию[56]. Сходной точки зрения придерживается и М.В. Воробьев: *ну́бù* — это рабы-слуги, являвшиеся сородичами, принадлежавшие к тому же племени; а *ш¯эн-кŏу* были чужаки,

иноземцы, иноплеменники[57]. Разница заключалась в происхождении: первые — своего племени, вторые — из чужого[58]. Указанный автор высказывает еще ряд интересных, на наш взгляд, замечаний: во-первых, *ш¯эн-кŏу* выглядят несколько более привилегированными; во-вторых, пленных не превращали в настоящих рабов[59]; в-третьих, решающий признак разграничения — принадлежность или непринадлежность к данной общине[60].

Таким образом, если суммировать все точки зрения, высказанные о *ш¯эн-кŏу* (яп. *сэйкō*) в ходе дискуссии о данной категории населения, то вырисовывается следующая картина: 1) в китайских источниках *нýбù* (рабы) и *ш¯эн-кŏу* четко различаются и не смешиваются, т. е. рассматриваются как разные категории населения; 2) *ш¯эн-кŏу* находятся в более высоком («привилегированном») положении, чем *нýбù* (рабы); 3) значение термина *ш¯эн-кŏу* (досл. «живой рот») — не «раб» (кит. *нýбù*), а «пленник», или, как его истолковывают исследователи, «оставленный в живых», «живой»; 4) в период Троецарствия (220—280 гг.) термин *ш¯эн-кŏу*, как выяснили ученые, употреблялся в значениях “нецивилизованный человек”, “дикарь” и “слуга” (но не раб), причем значение “слуга” в это время преобладало; 5) термином *ш¯эн-кŏу* называли «не своих», т. е. для японцев — это «не японцы» (как предполагают исследователи: *хаято*, *кумасо*, *корейцы*, *китайцы*), а для китайцев — все «не китайцы» (включая, видимо, и японцев), для корейцев — все «не корейцы».

Можно предположить следующий характер различия между двумя категориями зависимых. *Нýбù* — это рабы, т.е. лица, юридический статус которых — собственность (*объекты права*), а *ш¯эн-кŏу* — люди, с юридической точки зрения, не являющиеся собственностью (не объекты, а *субъекты права*)[61]. То есть в правовом отношении *ш¯эн-кŏу* — лично свободные — «живые» (но с ограниченной свободой передвижения, поэтому они «пленники» [или потому что они «пленники»]). Однако как чужаки, иноплеменники, иноземцы они не входят в общинный коллектив, а потому юридически бесправны (т.к. в древности только община гарантировала защиту прав своего члена) и находятся в полной зависимости от правителя общины. Известные из источников факты, когда *ш¯эн-кŏу* посылались в дар китайскому императору [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во), 107 г.; Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во; 238; 243; 247 гг.][62], не препятствуют такому толкованию их статуса, т. к. факты принесения дани лично свободными людьми также известны[63]. В мировой истории также известны случаи, когда категория зависимых, но лично свободных людей (т. н. «клиентов») формировалась как из добровольно перешедших в такое положение, так и из происходивших от военнопленных[64]. Таким образом, *ш¯эн-кŏу* следует относить к сословию *неполноправных свободных*.

Однако каким бы образом ни решалась проблема социального статуса *ш¯эн-кŏу* (рабы или бесправные свободные), обе категории — *нýбù* и *ш¯эн-кŏу* — не входят в коллектив общины (не являются общинниками). Это определяющая черта их положения[65].

Следовательно, если мы признаём, что *сэйкō* (кит. *ш¯эн-кŏу*) относятся к сословию *неполноправных свободных*, это означает, что они обладали *статусом свободы* (с точки зрения права, являлись *субъектами права*); т. е., несмотря на то, что они — пленники, *сэйкō* (кит. *ш¯эн-кŏу*) не были рабами. Но т. к. они не входили в гражданский коллектив (не были членами общины), то они не имели *статуса гражданства*, а значит, по нормам древнего права, не могли быть собственниками земли. Таким образом, *сэйкō* (кит. *ш¯эн-кŏу*) относились к категории *ограниченно правоспособных лиц*.

[1] См.: *Шилюк Н.Ф.* Закономерности развития государства в рабовладельческом обществе // Вопросы политической организации рабовладельческого и феодального общества. Свердловск, 1984. С. 4.

[2] См.: *Шилюк Н.Ф.* Закономерности развития рабовладельческого общества. Свердловск, 1982. С. 22.

[3] О правовом статусе населения в древней Японии подробнее см.: *Суровень Д.А.* Правовое положение населения в древней Японии // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сборник научных статей / отв. ред. В.В. Захаров. Курск, 2010. Вып. 3. С. 120–130; *Он же.* Правосубъектность в древней Японии // История государства и права. 2011. № 7. С. 15–19; *Он же.* Возникновение раннерабовладельческого государства в Японии (I в. до н. э. – III в. н. э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 1995. Вып. 2. С. 150–175; *Он же.* К вопросу о сущности варварского общества и государства на примере древней Японии (конец III–V века) // Исседон: альманах по древней истории и культуре. Екатеринбург, 2002. Т. I. С. 104–132.

[4] См.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. М., 1980. С. 86-87; *Он же.* Некоторые формы зависимости в древней Японии // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. М., 1984. С. 242; Бураку-си-ни кансуру соготэки кэнкю 部落史に関する綜合的研究. Токио 東京: Янагихара сётэн 柳原書店, 1956. Т. I. С. 16; *Мацумото Сэйт¯ё* 松本 清張. Сэйт¯ё-цŷси 清張通史. Токио 東京: Кōдансия 講談社, 1977. Т. I. С. 264.

[5] 倭國王帥 кит. *во-го-ван-шуай* — досл. "предводитель-правитель японского государства". Хоу-хань-шу 後漢書 (из серии «Эр ши сы ши цюань и» 二十四史全譯). Шанхай 上海: Хань-юй дацыдянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. Т. III. С. 1707.

[6] См.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшее время. М.; Л., 1950. Т. II. С. 35; *Кюнер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 342.

[7] 「倭國王帥升等 献生口 百六十人。」 Хоу-хань-шу. Т. III. С. 1707; *Фань Е* 范曄. Хоу-хань-шу 後漢書. Пекин 北京, 2000. С. 822.

[8] 男女生口 кит. *нань-нюй-шэнкоу* – досл. "мужчин и женщин *шэнкоу*". Саньго-чжи 三國志 (из серии "Эр ши сы ши цюань и" 二十四史全譯). Шанхай 上海: Хань-юй дацыдянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. Т. II. С. 548-549; *Young John.* The Location of Yamatai: a case study in Japanese historiography 720–1945. Baltimore, 1958. P. 155.

[9] См.: *Кюнер Н.В.* Указ. соч. С. 248–250.

[10] См.: *Исимода Сё* 石母田 正. Нихон-но кодай кокка 日本の古代国家. Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1971. С. 282; *Маки Кэндзи* 牧 健二. Дай-ни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но сякай 第二・三世紀における倭人の社会 // Сирин 史林. Киото, 1962. Т. 45, № 2. С. 21; Бураку-си... Т. I. С. 16; *Стучевский И.А.* Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. М., 1987. С. 257.

[11] 持衰 кит. *чú-шуāй*, яп. *дзи-суй* — блюсти обеты воздержания. См.: Большой китайско-русский словарь: в 4 т. М., 1983. Т. 3. С. 48 (далее — БКРС); 持衰 досл. «держать в руках упадок». См.: БКРС. Т. 3. С. 891–892, 48.

[12] 顧 кит. *гù* – *гл.* ...4) заботиться о ... *сущ.* 1) сострадание, внимание, забота... См.: БКРС. Т. IV. С. 725.

[13] 「…如ˇ喪人、名之爲ˇ持衰。若行者 吉善、共顧ˇ其生口財物…」 // Саньго-чжи. Т. II. С. 546.

[14] 「其行來渡海詣中國、恆使ˇ一人、不梳ˇ頭、不去ˇ蟣蝨、衣服 垢ˇ、不食ˇ肉、不近ˇ婦人、如ˇ喪人、名之為ˇ持衰。若行者 吉善、共顧ˇ其生口財物。若有ˇ疾病、遭暴害、便欲ˇ殺之、謂ˇ其持衰 不謹。」 // Там же.

[15] См.: *Кюнер Н.В.* Указ. соч. С. 246; *Young J.* The Location of Yamatai. P. 154–155; Дзусэцу нихон сёмин сэйкацу-си 図説日本庶民生活史. Токио 東京, 1962. Т. I. С. 89; *Bock F.G.* Development of law in Japan // Engi-shiki. Tokyo, 1970. P. 2.

[16] *Young J.* Op.cit. P. 159.

[17] Ibid. P. 159-160.

[18] 「行来度海、令ˇ一人　不櫛沐、不食ˇ肉、不近ˇ婦人、名ˇ持衰。若在涂　吉利、則雇ˇ以財物、加ˇ病疾　遭害、以為ˇ持衰　不謹、便共ˇ殺之。」 «[При] поездках через море приказывают одному человеку не чесать голову [и] не умываться, не есть мясо, не приближаться [к] жене. [Это] называется блюсти обеты воздержания (кит. *чû-шуāй*). Если будет (проторенная) дорога (涂 кит. *тŷ*) благополучна, то заботятся (кит. *гŷ*) о [его] имуществе (ценностях) (кит. *цай´у*). [А если] поразит [их] болезнь, [или] случится несчастье, то полагают (кит. *вэй*), [что] соблюдение обетов воздержания не было усердным (добросовестным). И тогда [все] вместе убивают его». См.: *Фань Е.* Хоу-хань-шу. С. 822; ср.: *Бичурин Н.Я.* Указ. соч. С. 35.

[19] См.: *Бичурин Н.Я.* Указ. соч. С. 35; См. также: *Young J.* Op. cit. P. 158.

[20] *Young J.* Op. cit. P. 159; См.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 87.

[21] *Young J.* Op. cit. P. 158–159.

[22] Ibid. P. 160.

[23] Ibid. P. 159.

[24] Ibid.

[25] Ibid.

[26] Ibid. P. 155.

[27] Ibid. P. 156.

[28] Ibid.

[29] Ibid. P. 156–157.

[30] В 550 г., 4-й месяц, 1-й день: «По этой причине [*ван* Пэкче] прислал [в] дань рабов (кит. ну) из Ко[гу]рё, шесть "ртов" (кит. *коу*), [как] отдельный дар [от] человека *вана* [Пэкче] раб (кит. *ну*), один "рот" (кит. *коу*) (все [пленники] – это рабы (кит. *ну*), схваченные при нападении на местечко Ирим)». 「…因獻ˇ高麗　奴六口、別贈　王人奴一口。皆攻ˇ爾林　所，禽奴也。」 Нихон-сёки 日本書紀 (из серии "Кокуси-тайкэй" 国史大系). Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1957. Ч. I. Т. II. С. 75; в 550 г., 4-й месяц, 1-й день: «Пэкче прислало «… [как] дань пленников (кит. *лу*) [из] Кома (кор. Корё, кит. Мо), десять "ртов" (кит. *коу*)» 「…獻ˇ狛虜十口。」 Нихон-сёки. Т. II. С. 76; 虜 кит. *лу* : 1) пленный, пленник; 2) *уст.* варвар, дикарь; инородец (*часто о неприятеле*); 3) раб, слуга; *гл.* брать в плен, пленять // БКРС. Т. III. С. 568–569; в 660 г., 10-й месяц Пэкче прислало «…[в] дань полонян (пленников, кит. *фу*) из Тан, свыше ста человек» 「…獻ˇ唐，俘一百餘　人。」 Нихон-сёки. Ч. I. Т. II. С. 275.

[31] *Young J.* Op. cit. P. 156.

[32] Ibid. P. 157.

[33] 王須 *ван* Сюй. См.: *Ямао Юкихиса* 山尾　幸久. Нихон кодай ōкэн-кэйсэй сирон 日本古代王権形成史論. Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1983. С. 21.

[34] 余腆 кит. Юй Тянь; кор. Ё Чон; 余ˇ кит. Юй Пи; кор. Ё Пи. См.: Там же.

[35] 腆支王 кор. Чончжи-*ван*, 毗有王 Пию-*ван*. Корейско-русский словарь. М., 1959. С. 894.

[36] 「…獻出ˇ男女　生口　一千人…」 Цит. по: *Джарылгасинова Р.Ш.* Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики. М., 1979. С. 74.

[37] См.: Там же. С. 78.

[38] См.: Там же. С. 92.

[39] 未開人 яп. *микайдзин* — «дикари, непросвещенные люди» // Японско-русский словарь. М., 1984. С. 365 (далее — ЯРС); см.: Бураку-си… Т. I. С. 15; *Young J.* Op. cit. P. 157.

[40] *Young J.* Op. cit. P. 157; ср.: Бураку-си… Т. I. С. 15.

[41] *Young J.* Op. cit. P. 157.

[42] *Young J.* Op. cit. P. 157; Бураку-си… Т. I. С. 15.

[43] *Young J.* Op. cit. P. 158.

[44] *Young J.* Op. cit.; 生きた人間 яп. *икйта нингэн* — досл. «живые люди; те, кто живые». Бураку-си… Т. I. С. 16; ср.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 86.

[45] *Young J.* Op. cit. P. 158.

[46] Ibid.

[47] Ibid.

[48] 雇 кит. *гŷ* – «заботиться о…»; «сострадание, внимание, забота…» // БКРС. Т. IV. С. 725.

[49] *Young J.* Op. cit. P. 158–159.

[50] Ibid. P. 159.

[51] Ibid.

[52] См.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 86; ср.: Бураку-си… Т. I. С. 16.

[53] См.: Нихон-но акэбоно. С. 17; Бураку-си… Т. I. С. 15, 16, 17; *Мацумото С.* Сэйтё-цуси. Т. II. С. 264; *Исимода Сё*. Нихон-но кодай кокка. С. 282; *Бичурин Н.Я.* Указ. соч. Т. II. С. 35; *Кюнер Н.В.* Указ. соч. С. 248– 250; *Ханин З.Я.* Японские парии // Вопросы истории. 1973. № 7. С. 132; *Он же*. Социальные группы японских париев. М., 1973. С. 34; *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 86; *Он же*. Некоторые формы зависимости в древней Японии. С. 240; *Young J.* Op. cit. P. 83, 114, 155, 160.

[54] 奴隷 яп. *дорэй* — раб // ЯРС. С. 76; *Фельдман-Конрад Н.И.* Японско-русский учебный словарь иероглифов. М., 1977. С. 626 (далее — ЯРУСИ).

[55] См.: *Ханин З.Я.* Японские парии. С. 132; *Он же*. Социальные группы японских париев. С. 34.

[56] См.: *Бичурин Н.Я.* Указ. соч. С. 35.

[57] См.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 87, 269; *Он же*. Некоторые формы зависимости в древней Японии. С. 242–243.

[58] См.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 87.

[59] См.: Там же.

[60] См.: *Воробьев М.В.* Некоторые формы зависимости в древней Японии. С. 242.

[61] То есть юридически *свободные* (но не следует путать этот правовой статус с социально-экономической зависимостью).

[62] См.: *Бичурин Н.Я.* Указ. соч. Т. II. С. 35; *Кюнер Н.В.* Указ. соч. С. 156, 248–250, 342.

[63] См., например: *Шилюк Н.Ф.* История Древнего Мира: Древний Восток. Свердловск, 1991. С. 155.

[64] См.: История первобытного общества: в 3 т. / отв. ред. Ю.В. Бромлей. Т. 3: Эпоха классообразования. М., 1988. С. 225.

[65] В.Н. Никифоров определяет рабовладельческий строй как «господство какой-то общины над лицами, стоящими вне её...». См.: *Никифоров В.Н.* Формы и сущность развития в древнем обществе: специфика отдельных цивилизаций // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности. М., 1986. С. 20.

Н.П. Демидова*

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Права и свободы выступают главным показателем, отражающим базовые ценности современной цивилизации. Существенно возросла их роль в условиях глобализации, о чем красноречиво свидетельствует сфера международных отношений. В частности, права человека приобрели статус причины для проведения внешней интервенции. За последнее десятилетие значительно увеличилось количество комплиментарно-дескриптивного материала по этой проблеме. Такой подход обусловлен функциями, которые они выполняют в политико-правовой действительности.

На наш взгляд, здесь не допустима подмена понятийной формы выражения природы прав человека, что имеет место при комплиментарно-дескриптивном подходе. Когда необоснованно преувеличивается роль одного и игнорируется значение другого компонента, практика перестает быть критерием истины, а безусловным аргументом выступает авторитет ученого. В период фундаментальных перемен в обществе следует объективнее подходить к теме прав и свобод человека и гражданина.

Не умаляя роли рассматриваемого феномена в жизни государства, следует помнить опыт и итоги лозунгов эпохи перестройки. В условиях глобализации необходимо принимать во внимание, прежде всего, интересы коренных народов Российской Федерации, учитывать, насколько внедряемая концепция прав и свобод человека отвечает вызовам времени и наци-

* *Демидова Наталия Павловна* — соискатель кафедры теории государства и права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».